

ИЗВЕСТИЯ
г. Москва
18 МАИ 1988

1988 года ● 3

Книги:
новинка недели

СОЗВЕЗДИЕ

«...Звездное небо всегда одно... но для нас оно меняется в зависимости от точки обзора», — размышлял один из виднейших наших режиссеров, приступая к новой постановке классической пьесы.

Эти слова, приведенные в книге А. Маукина «Театр моих современников» (издательство «Искусство»), в какой-то мере перекликаются с впечатлением от прочитанного в ней.

Герои книги — и такие знаменитости, как Евгений Вахтангов, Алексей Дикий, Михаил Астангов, Лев Свердлин, Эраст Гарин, показанные, так сказать, самым крупным планом, и их более эпизодически возникающие на этих страницах коллеги (так, отвлекаясь от главной темы одной из статей, автор замечает об артисте С. Б. Межинском: «...это был мастер-виртуоз, в своем роде примечательный. И я должен сказать о нем несколько слов», и пишет «в своем роде» мини-монографию).

Хорошо памятные многим зрителям старшего поколения люди, создатели легендарных спектаклей и замечательных ролей, увидены в этой книге по-своему, часто во всем «необструганном своеобразии» (по гегелевскому выражению личности и судеб): «...Дикого никак не назовешь гармонической натурой. Характер у него был властный, резкий, азартный, выбиравший прямые пути и не признававший приемов тактики для обходного движения. Человек сильных страстей, он плохо ими управлял и дорогой ценой расплачивался за свои увлечения; в полемике не щадил чужих самолюбий...» — Лик отнюдь не иконный!

А рядом — «негромкий голос» Андрея Лобанова, упорно твердящий свое, выношенное, этого «режиссера из будущего», по оценке собрата — Г. Товстоногова, с его как бы «неслышимым» новаторством: «...никакого намека на сенсацию, обычно сопровождающую ломку форм в искусстве. У него перемены, ка-

кими бы они ни были дерзкими, казались сами собой разумееющимися, потому что они шли от самой сути первоисточника, без затейливости, без орнамента, без эксцессов».

И «чудо вахтанговского спектакля» — искрящаяся весельем и дерзостью «дуэль» Рубена Симонова и Цецилии Мансуровой в шекспировском «Много шума из ничего», а двадцать лет спустя — «щемлящая грусть... простенькой песенки» стареющего бонвивана Доменико Сориано в «Филумене Мартурано» Эдуардо де Филиппо — последние ноты этого многолетнего незабываемого дуэта!

Давние спектакли, ушедшие актеры... Что-то уже стерлось из памяти, но что-то благодаря новой «точке обзора» — нашему дню с его переосмыслением пережитого — вдруг осветилось по-новому, открылось во всей смелости и глубине режиссерского или артистического замысла.

Вот в конце тридцатых годов Дикий ставит Сухова-Кобылинскую «Смерть Тарелкина», и на сцену Малого театра, словно бы из дома, что неподалеку, является Расплюев: «...он всегда начеку, наготове, на подхвате в ожидании происшествий и необходимости немедленных карательных мер... он держит под подозрением всю Россию. По его соображению, каждый человек — потенциальный преступник и только прячет свою вину, потряси его хорошенько — и обязательно окажется, что он замаран, как вокруг все прочее... Он в самозабвении, он хозяин человеческих судеб...».

Или вот Дикий уже сам играет Горлова во «Фронте» Корнейчука и явно укрупняет масштабность роли: «Это не просто отсталость, это отсталость со знаменем, со сводом правил... Ничто не может убедить Горлова в шаткости его плана. Ни одно доказательство он не принимает всерьез. Показания пленных? Они врут. Показания партизан?.. Но что для Горлова факты, если он ослеплен стройностью своего оперативного плана?! Что ему до того, что это чистейший миф, бумаготворчество, выдумка, для внушительности расписанная по пунктам?!»

Да, трудно не согласиться с тем, что «сатира Дикого выходила за локальные границы», предначертанные драматургом, и — во всяком случае объективно — «имела в виду не только крупного генерала...»

А Михаил Астангов, в чьем исполнении в пьесе Гауптмана «Перед заходом солнца» «вперед выдвинулась трагедия прозрения человека, не принявшего общество насилия и ставшего его жертвой», а в «Гамлете» — «очищающая работа мысли», столь родственная всему складу этого артиста, и страстный пафос надежды:

Терпи, душа, зло встанет
все равно,
Хоть в недрах мира
будь погребено!

В первых строках книги автор говорил о своей цели — «сохранить в памяти, уберечь от забвения прекрасное искусство... старших современников... и еще раз напомнить новым поколениям читателей о богатстве и разнообразии нашего театра давнего и недавнего прошлого». Благороднейшая задача!

А. ТУРКОВ.